

Р. П. Чернов

О ВЛАСТИ

ЛЮДОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕЗИСЫ

Рустам Павлович Чернов

О власти.

Людологические тезисы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39426751
ISBN 9785449382382

Аннотация

В настоящей работе проанализирована сущность и природа власти с точки зрения людологического (ludo – играю, logos – знание) подхода. Власть рассмотрена как свойство перехода бытия в возможности в действительность (от идеального к реальному), при котором «возможность», лишенная заранее снятых противоречий мысли, неотвратимо реализуется в действительность. Рассмотрен ряд способов ненасильственной трансформации власти.

Содержание

1	5
2	6
3	8
4	9
5	16
6	21
7	23
8	27
9	29
10	31
11	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

О власти

Людологические тезисы

Рустам Павлович Чернов

Иллюстратор Адольф фон Менцель

© Рустам Павлович Чернов, 2020

© Адольф фон Менцель, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4493-8238-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Каждый из нас сталкивается с властью с рождения. Сначала мы являемся объектами власти, управления, наши родители прививают нам возможность познания самого себя, соответственно, отношения к самому себя, они определяют долю возможно – абсолютного в любой области познания. От того какими формами и какими парадигмами структурировано их бытие, зависит восприятие нашего бытия и его качественное отношение. Соответственно, можно сделать вывод о том, что подчинение и все то, что обывательский рассудок связывает с понятием неудачность и приниженность, проистекает в непосредственной связи из самой природы человека – быть подчиняемым с рождения, и с рождения выступать формой объективации бытия в возможности чужеродного ему типа. И напротив, если мы встречаем индивидуума, который в силу тех или иных причин смог с раннего детства быть самим собою и самостоятельно чувствовать и абсорбировать в себе ту или иную степень познания, то мы можем говорить, что именно он представляет собой будущий материал для власти, для того, чему суждено властвовать над судьбами других.

Обнаружение точности анализа того или иного явления вне эмпирического начала, как правило, возможно, только в рамках всесторонней универсальности, которая может быть соответственно присуща методологии универсального плана. Но вот вопрос – может ли такая методология быть использована применительно к анализу конкретного вопроса, если она еще не прошла свое удостоверение в рамках эмпирического познания? Как можем мы на нее ссылаться и каким образом можем доверять ей, если она рождена только одним человеком и только им же поддерживаема, а любая методология такого рода всегда лишена инертности генезиса и, следовательно, может быть присуща только одному субъекту – одному человеку? Данный вопрос степени доверия весьма важен в отношении познания тем более в отношении практики применения. Бытие права в его динамике действительного – это бытие власти. И здесь мы должны заметить, что в отношении универсальных методов познания, наблюдается самая верная и точная удостоверенность по отношению к самому познанию. Происходит это вследствие того, что весь объем бытия в возможности реализуется в части бытия в действительности в полном объеме, это происходит благодаря тому, что человек является целостной системой организации и, формируя собственное БВВ, он же выступает

и системой его опосредующей. Именно поэтому мы можем сказать, что данность внешней и внутренней перцепций является для него здесь основополагающей.

3

Власть возникает только в сфере осознанности и возможности структурирования бытия, механика «твердых тел» лишена возможности опосредования своим бытием в возможности системы реального структурирования. Более того, можно сказать, что сами по себе коллективы, состоящие из множественности субъектов, охваченных качественностью того ли иного бытия в возможности, так же представляют собой объектов – заложников механики познания, ибо именно их поведение и именно их форма бытия в возможности в отношении действительного позволяет сделать вывод том, что вся сила познания направлена на элементы движущей причины и лишена в отношении внешнего целостности по направлениям реализации бытия в возможности. Следует так же отметить, что предел познания результата эмпирического удостоверения так же растянут и размыт.

Для того, чтобы понять, каким образом отвлеченная теоретическая конструкция может определять и детерминировать чувственно заданную конкретику вещей, необходимо обратиться к самой проблематике гносеологии. Вопросы эти достаточно сложны, чтобы можно было себе позволять очерчивать круг циркулирования информации о них по принципу «Общее – общее», это, как правило, приводит либо к формированию новой методологии, либо к формированию бесконечности хорошей апории. Поэтому представляется возможным построить наше рассуждение по принципу «Общее в частном – частное в отношении к общему». Это предполагает, что мы обнаружим, что именно формирует наше абсолютно общее представление, и как частно -конкретное явление, идентифицируемое нами, соотносится с этим общим представлением, что позволяет нам говорить о возможности констатации данного перцепта.

Следует отметить, что содержание данной проблематики неоднократно приковывало к себе внимание в самые разные времена. Методология познания Платона, например, уделяла большое внимание вопросу о форме возникновения и формирования причастности единичного, заданного в конкретике условий места и времени общего, вынесенного за пределы какого-либо места и времени по определению.

Соответственно, ход рассуждения Платона представлен достаточно точно: если в рамках конкретики места и времени невозможно на основе чувственного восприятия определить универсум идентификационной массы явления, то, следовательно, существует нечто всегда отсутствующее в восприятии времени и места, но неизменно определяющее содержание данного восприятия, именно это было названо «Эйдос». Механизм идентификации восприятия и формообразования самого предмета восприятия задавался соответственно при помощи божественности (существование идей).

Аристотель прекрасно дифференцировал данный вопрос применительно к сферам бытия в возможности и в действительности, связав возможность существования с тремя формами, создав, тем самым, временной барьер восприятия.

Здесь отметим, что у Аристотеля возможность бытия предмета тождественна возможности в конкретном смысле этого слова, как возможность того, что уже существовало, существует где-то (не данном месте и времени, заданном для конкретного восприятия), будет существовать у конкретно – частного субъекта при том, что она у него не существовала, или существует и будет существовать. В принципе все возможные варианты лежат на поверхности и их нетрудно просчитать. Главное Аристотель прекрасно понимает, что от форм сочетания двух данных областей зависит конечность сущности явления как в отношении участника формообразования данного явления, так и стороннего наблюдате-

ля.

Совершенно гениально проблема частного и общего решается в рамках религии, где качественность частного (содержание жизни верующего) всегда тождественно качественности божественного (стандарты, нормы поведения и прочего); но при этом количественное соотношение никогда не бывает равным, – божественное выступает как то, что является равным для любого, при том, что любой никоим образом не может повлиять на изменение божественного ни в количественном, ни в качественном отношении (институт инквизиции по отношению к еретикам).

Именно это позволило физикам – естествоиспытателям разрушить представление о божественном устройстве мира при помощи формулирования закона основания построения взаимодействия и циркулирования масс, температур и прочее. Появилось понятие внеличной причинно – следственной связи. Если верующий мог превратиться на протяжении всей своей жизни в причину, следствием которой была жизнь души в ее качественном понимании, то физика показала, что отношения причины и следствия, как это ни странно, вовсе не зависят от личных качеств человека и только могут испытывать количественные изменения в рамках его действия, и то согласованных с целесообразностью представления о результате той или иной операции (эксперимента). Проблема соотношения влияния общего и частного трансформировалась не в экзистенциальную проблематику, а в су-

губо технократическую, где властью стало знание механизма взаимодействия с миром. Мир представляется как форма сплетения причины и следствия, результатов и разрушений этих результатов.

Соответственно, методология познания социальной реальности того периода представлена «теориями – преобразованиями»: человеку хотелось верить, что он может изменить свое бытие и бытие себе подобных на основе разума, знания, на основе чистого познания. Данные теории представлены в частности Локком, Гоббсом, Гегелем, Кантом. Последний являет собой достаточно противоречивую фигуру в решении данной проблемы, поскольку ему одновременно удалось приписать человеку, как уникальную способность проникать в сущность вещей, так и ту же способность пребывать в полном заблуждении относительно нее.

Первым, кто поставил под сомнение возможность произвольного соотношения общего представления и частной действительности был Артур Шопенгауэр. Именно он поставил вопрос о зависимости бытия от того представления, которое обслуживает данное бытие. Эта мысль по существу была первым камнем в огород естественности происхождения мира и социума. Шопенгауэр практически говорил о возможности искусственности представления и пытался развенчать человечество с мифом об истинности. И если Рене Декарт положил обезличенную мысль в основание бытия, то Шопенгауэр сначала признал бытие, а уже затем вывел качественность

мысли как определяющее качества бытия. Воля выступила как то, что устраняет зазор между внеличным представлением и личной формой знания, – существую, потому что хочу этого.

Фридрих Ницше пошел еще дальше и провозгласил возможность изменения не только области мысли, но и области действительного, при этом не на основе изменения общей индивидуальной действительности, а на основе отказа в самом себе от этой общей идеи, замены ее собственными ценностями, собственной волей к своей ценности. Общее не просто унифицируется или изменяется, оно просто уничтожается для «здесь и сейчас» конкретного индивидуума, перестает восприниматься им, и поскольку это происходит со всеми (аналог Христианства), то это и становится новой формой общего представления о действительном – переоценка всех ценностей всеми. При этом всем, кто уже переоценил ценности совершенно неважно остальное человечество, поскольку остальное человечество – продукт того, от чего уже успешно отреклись те, кто данные ценности переоценил. Это важный момент, потому что именно здесь Ницше отличается коренным образом от тех, кому в дальнейшем приписали его идеологическую направленность (фашисты).

XIX век богат на теории знания – преобразования: Карл Маркс, в отличие от Фридриха Ницше персонифицировал общее представление, закрепил его за конкретными субъек-

тами (классами) и объяснил, почему именно их представление о действительности является доминирующим (общим). Маркс создал мотивационную форму преобразования социальной материи. Он вернулся к естествоиспытателям, то, что они сделали с неживой материей (причина и следствие), Маркс сделал с общественными отношениями, он указал, где причина, а где следствие. Соответствующий вывод, который был сделан уже самопроизвольно: поменять причину и следствие как качественно, так и количественно. В принципе тоже предприняли националисты в Германии. Только в России это носило субъективный характер (в рамках одной страны), а в Германии – объективный, в рамках мира.

Современность попала, в сущности, в труднейшее положение потому, что она столкнулась с известностью обо всех противоречиях этого мира. Шпенглеру, Данилевскому, Тойнби, разрабатывающим теории локальных цивилизаций, даже в страшном сне не могло присниться, что все будут помещены в единое информационное пространство относительно самого себя. В наше время ни о какой исторической замкнутости говорить уже не приходится. Единая сфера циркулирования информации, истинность положений теории Гумпловича и Каутского создают ООН, техническое мышление, до этого обретавшее себя в рамках изолированности расчетов математики, преобразуется в социально полезные формы: атомная бомба, интернет, телевидение. Все смешивается и приобретает форму синтеза противоречий,

где каждое противоречие представлено эпохой, жизнью того или иного народа, тысячелетия и все это обрушивается на конкретного частного человека, носителя частных разного рода в форме массивов информации, которую он по определению должен принимать лишь к сведению. Формой участия в общественной жизни становится понимание и приверженность рода идеалистического, в полный противовес абсурда того, что названо в честь мира действия, в честь мира Греции, – демократия...

Обнаруживая себя в современности, которая есть эмбрион острейших катастроф будущего, нельзя быть заложником однобокости и приверженности стереотипизированности.

Прекрасно возвращение к власти к тому, что есть необходимость понимания себя, понимания себя как властного субъекта всего того, что может и должно переводить материю в форму. Именно это ощущение заставляет делать выбор в пользу служения тоталитарному режиму всему тому, что есть форма и метод осуществления социума. Но мы не можем при этом констатировать необходимость властвования применительно к неограниченному кругу предметов. Власть как игра неизменно не может быть абсолютной, власть всегда детализирует себя в условиях конкретики определенного времени и пространства и поэтому может быть нам хочется видеть во власти всегда некоторую персонификацию собственно – личного бытия в возможности (наши сегодняшние демократические права), и бытия возможности тех, кому власть принадлежит по их статусности (понимание человека только сквозь призму его отношения к властности, характерно, например, для государственных служащих). Именно поэтому властные отношения – это отношения сопряженные с адаптацией в условиях времени и пространства. Две данные категории формализуются изначально в области и границах самих способностей перцепций возможности познания и уже затем могут быть представлены как нечто опосредованное полностью, или частично воз-

возможностью личных усилий по структурированию и изменению социальной материи.

Личность как еще одно чувственное начало бытия человека по праву становится его органом, свойственностью его организации. И он опять же по праву всех игр включает его в возможность собственной ассоциативности восприятия. Он становится формой причастности самого себя в отношении самого себя для власти. Он открыт восприятию подобия властных организаций, он становится человеком власти. Этим, например, в частности можно объяснить высокие корпоративные интересы в органах государственного управления, а тем более в органах, служащие которых по роду своих должностных обязанностей заняты исполнением одного и того же профиля работы; именно поэтому вопросы, которые нам придется решать в рамках уже конкретики исследований практического плана сводятся к изменению социальной материи в рамках ее носителей — субъектов власти, именно применительно к ним можно говорить о том, что есть бытие в возможности, требующее своей реализации в рамках, как собственно неограниченного круга элементов действительного, так и неограниченного круга возможного отражения в рамках самого бытия в возможности личности. Возможно ли это на основе собственно — чувственного начала по бытию в возможности, остается загадкой на сегодняшний день.

В принципе вся сущность организации государственного

уровня сводится к качественной однородности бытия в возможности в форме властной энтелехии на разнородной территориальной организованности. Именно поэтому путь к деформации государственного устройства так же весьма прост и несложен. Он может быть как формой демонтажа государственного устройства на уровне частного чувственного познания, так и в форме глобального отношения разрушения парадигм устройства бытия в возможности и бытия в действительности. Именно поэтому мы можем весьма просто и четко констатировать невозможность отношений данного уровня, так как это и есть отношения соподчиненности по бытию в возможности и бытию в действительности.

Современное государственное устройство в отношении понимания самое себя пользуется весьма архаичными формами отношений и поэтому мы не можем говорить о том, что оно является формой, выигрывающей по отношению как к самому росту информационных технологий, росту технической передачи и корреспондирования бытия в возможности, оно так же является формой достоверности в отношении неперсонифицированного круга лиц с тем, чтобы точно и достоверно определить степень возможности и невозможности отношения по бытию в возможности и бытию в действительности самых неоднородных и неоднозначно количественных элементов бытия.

Власть должна пониматься именно как не полезное отношение индивидуума к кругу того бытия в возможности, в ко-

торое он включен, она должна пониматься именно как свойство необходимое для поддержания нормального отношения при том, что данность этого отношения заведомо ненормальна в области организации социума. Социум возникает (в части представлений о нем спонтанно) именно как трудно регулируемая система скрытости возможности зеркального отношения по бытию в возможности и по бытию в действительности. Само понятие регулирования складывается в подсознательности (парадигма, которая во временном и вневременном контексте является в сущности формой сопричастности необходимости изоляции).

Власть наоборот как форма отношения индивидуально-го бытия в возможности к множественности действительности неперсонифицированного круга лиц. Именно поэтому знание – сила, так как последнее представляет собой возможность реализации данной власти в отношении данного неперсонифицированного круга лиц. Нет необходимости в том, чтобы регулировать то, что и так представляет собой уже урегулированную систему хаотичности возможности тех или иных форм определения бытия в возможности к действительности. Властность рождается как необходимость общего порядка для общего бытия в возможности в рамках единого социального субстрата (человек или коллектив). Гармоничность взаимоотношений опять же зависит от уровня и степени познания бытия в возможности с двух сторон (личности и общества). Именно поэтому говорить

О властности в отношении философов, допустим, было совершенно излишне, ибо именно в тот момент власть можно было понимать не иначе, как степень личных усилий.

Власть как движущая причина общей социальной парадигмы бытия зависит в своем бытии от восприятия личностью. Что есть личность и каким образом она может быть опосредована формами познания самого себя в отношении пролонгации в прошлом, настоящем или будущем? Если и есть источник власти, то он именно в дифференциации временных полей (прошлое и настоящее общественного и личного никогда не совпадают). Таким образом, возможно говорить том, что есть человек, наша личность в отношении неперсонифицированного круга явлений, опосредуемых именно данной властью познания, отношения управления, или наоборот – познание данных элементов с точки зрения отношения к невозможности познания в рамках «здесь и сейчас». Мы можем быть в отношениях соподчинения, мы можем принять среду публичного как среду значения отношений, но при этом это еще не означает властного. Таким образом, можно точно и с уверенностью сказать, что власть возникает именно как возможность «вычерпнуть» из субъекта мотивационность личностно нерушимого с точки зрения общественного бытия в возможности, с целью его замены управляемыми мотивами поведения, которые и есть форма бытия в возможности, однотипно реализующегося в конкретике условий времени и места применительно к неод-

народному кругу явлений, по однозначно навязанной форме (по 4-м причинам, где целевая причина власти замещает сознание субъекта). То, что нами называется воспитанием, религиозностью, усовершенствованием самого себя, наконец, просто идеологией. И если власть в основе своей согласна с тем бытием в возможности, которое есть форма долгосрочного накопления бытия в возможности в его отношении к властной действительности и тем, что есть традиции и качественность отношений, то мы можем говорить о том, что в данном случае властность претерпевает изменения в отношении самого себя с течением времени в его понимании самым множественным кругом лиц, но, если при этом сама власть является динамической формой организации материи, в которой наличествует бытие в возможности, которое само по себе не является динамикой организации и именно поэтому представляет собой форму отношения по бытию в возможности несколько меньшую в своем цикле организации, чем само по себе бытие в возможности общественного, то можно говорить о том, что власть компрометирует себя и в сущности не является поддерживаемой в том самом легитимном смысле, который одинаково присущ всякой современной власти (а, значит, и независимой от своих ошибок в прошлом).

Личность выступает как предмет, испытывающий на себе постоянное воздействие властных элементов парадигм, начиная от необходимости (той же парадигмы властности, но без элемента личностного, субъективного, то есть парадигмы, уже не поддерживаемой личностью в ее усилиях и от того наиболее властной в отношении понимания самого себя как того, что должно быть). Может быть всего два варианта – либо личность персонифицируется в том, что есть движущая сила, воздействующая на нее (подчиняется), либо наоборот она противостоит тем формам, с которыми встречается. При этом самое интересное в этом противостоянии то, что оно заведомо проигрышное и не представляет никакой перспективы развития в будущем и тем более в настоящем личного. При этом личность проигрывает уже в самом начале, когда противостоит по принципу зеркально – обратного механизма реагирования в действительности, непосредственно как то, что не «прогибается» под те или иные формы организации бытия в возможности в отношении действительного и поэтому не имеет в своей основе никаких прав и методов противоречия в силу органичности своей натуры – противостояние носит характер экзистенциального порядка: «либо я, либо никто», то есть то, что не есть я, и есть я – тот, кто никогда не будет тем -то. Как ви-

дим, элемент временного подхода обнаруживает себя и здесь и в достаточной степени властвует над сознанием, но осознает лишь то, что в данное время и в данном месте личность абсолютизирует противоречие и пролонгирует его в неопределенное будущее, не учитывая возможную качественность изменений по бытию в возможности и действительности.

Не стоит думать, что власть может начинаться с так называемых отношений по бытию в возможности именно только в области действительного. Настоящая властность начинается именно с отношений идеального порядка и лучше всего, если данные отношения возникают в тот период времени, когда человеку единственно что доступно – это его мысль в форме выражения мысли по отношению к действительному. Именно поэтому мы не можем говорить о какой-то возможности отношения к личности как всего лишь субъекту той или иной движущей причины бытия в возможности в отношении последнего к действительности. Личность всегда, прежде всего, – мысль, область мысли, даже если эта мысль и не выражена и не объективирована в области действительного и не поддержана формой чувственного отношения к самому себя, или же к той или иной части бытия в возможности вне себя. Именно поэтому мы не должны предполагать мысленность в области воли, наоборот – волю в области мысленного. Настоящая власть начинается именно с возможности самостоятельно размышлять образом, имеющим и само размышление в его динамике познания, и сам предмет мыс-

ли. И именно эта динамичность познания в дальнейшем будет определять адекватность познания в отношении неопределенного круга властности, ибо содержание, по сути создающее форму данного отношения, перестает быть формой принципиального отношения в той или иной властной парадигме.

Представляется весьма интересным вопрос трансформации личного стремления к власти в уже созданных и обеспечиваемых парадигмах (обеспечение, как правило, состоит в качественности оценок той или иной степени материальной причины, которая должна соответствовать конечному уровню реализации парадигмы).

Так, например, государственная служба и замещение должности в структуре в какой-то степени похожей на государственную – подобное образование является, в сущности, необходимым условием для того, чтобы развить способность познания в отношении самое себя своей соподчиненности и адекватности властности в области внеличного (в данном случае весьма сложно представить себе, что властность является продуктом личного бытия в возможности, здесь власть реализуется в отношении именно содержания общественно-го бытия в возможности, уже проведенного через форму сопричастности тому или иному кругу организации, движущей причины).

Сам анализ парадигм данного рода показывает в принципе невозможность отношений в части пролонгирования их

с точки зрения необходимости познания, как в отношении властного порядка (можно сказать, что здесь не личность является проводником власти, а то в личности, что подвластно государственному, является формой необходимости личного для личности).

Личность в высшей степени ее проявления, как форма необходимости личного познания, всегда является антиподом любых форм организации внеличного характера. Все то, что является формой общественного познания (познания в области отношения по бытию в возможности в его сочетании элементов организации вместе с возможностью) является для личности и формой невозможности, и одновременно формой, которая необходимо пролонгируется в области точного отношения уничтожения в самое себя, отношении строгого не принятия и невозможности сомнения в своей правоте. Настоящий человек объективирует свое сознание в отношении внеличного, но сознание для вне личного, не есть личное в самое себя. В сущности, это не является ни минусом, ни плюсом всеобщей стратегии познания, но при этом мы можем точно определить меру успеха, она состоит именно в возможности отношений по бытию в возможности и действительности, при том, что данное отношение является формой точного удостоверения данного бытия в возможности в отношении неперсонифицированного круга лиц.

Организация того, что есть в тебе не только согласно образу и подобию своего мышления, но так же и в отношении неограниченного круга элементов по бытию в возможности, расположенному в рамках носителей, составляющих непер-

сонифицированный круг субъектов, является необходимостью познания применительно к отношениям властного порядка. Самое сложное здесь – поддержание того уровня реализации, который и может быть назван властью в полном смысле этого слова.

Мы могли бы пойти дальше и предположить, что сама власть как таковая есть продукт и следствие именно творческого отношения в части возможности познавать этот мир на уровне обывательского рассудка, когда трансформация и структурирование объектов действительного представлено известным кругом причинно – следственных связей. Здесь сам субъект выступает как некоторое неординарное звено, которое присваивает иную качественность общей парадигме при неизменности ее формы. В данном отношении выступают многие великие формы организации социальной материи, которые были созданы в свое время человеком.

Существуют так же парадигмы, которые в той или иной форме поддерживают бытие в возможности именно такого плана и поэтому могут объективировать внешне необходимую качественность отношения к тем или иным парадигмам. Таковы, например школы воспитания монархов и прочих субъектов подлинных элит.

Само по себе формирование властного субъекта является весьма интересным и, конечно же, отдельным предметом исследования. Хочется отметить, что наряду с естественными формами организации существуют так же так называемые «мертвые формы» властных субъектов, которые образуются вследствие появления такой связи в цепочке как от «отца

к сыну». Речь идет о членах семей тех, кто персонифицирован в автоматизированные парадигмы власти (государственная власть, например). Не восприятие надлежащих форм властного реагирования данные парадигмы фактически растворяет властного субъекта в новой для него сфере отношений, формирует ущербного собственника власти, человека, который по своим параметрам не может отвечать занимаемой им нише (что неизменно постигает аристократию в среднем периоде ее правления), это приводит к тому, что рано или поздно происходит крах самой системы именно в силу недостатка человеческого фактора (при этом сама материально-техническая база может быть сколь угодно развитой и полноценной).

Назовем стадию восприятия властного воздействия применительно к индивидууму – пассивной. Структура парадигм здесь складывается следующим образом. Анализ строится по индивидууму.

Бытие в возможности (БВВ).

1. Дана встречаемость (необходимо выжить, питаться, а, следовательно, и пребывать в одном информационном, знаковом поле с субъектами корреспондирования БВВ, например, родители).

2. Само БВВ представлено реакциями отражения и воспроизведения. Частота и последовательность реакций, исходящих со стороны родителей (ритм, качественная однородность и так далее) рождает принцип подобия, который так же пока находится в зачаточном состоянии относительно реализации по отношению к властному субъекту. Его активизация воспринимается, заметим, только в соответствии с привнесенными формами, исходящими от субъекта управления (например, родители, начальник в обязательной схеме парадигм – армия, к примеру). Соответственно, любая девиация, которая может быть тем самым творческим моментом, воспринимается как негативная форма и, скорее всего, уничтожается в процессе ее выявления (как то: дефекты речи, нестандартные взгляды и прочее). Здесь же отметим,

что вопрос творческой удачливости решается только посредством системности отношения к объективированию самое себя в мире, если творческое не носит системного характера и может быть объективировано в доступных формах познания для тех, кому оно адресовано, мы можем говорить о том, что этот субъект отвоевал себе право на собственное мнение, в остальном же, речь может идти только о девиации, которую необходимо будет устранять тем или иным способом.

Следует так же отметить, что описать качественность структурности БВВ на данном этапе в достаточной степени сложно, так как именно здесь она представляет собой тот самый первичный отрезок, познание которого невозможно и именно здесь презюмируется необходимость именно такого качества. Мы не можем говорить о том, что данность познания отвечает формам объективации самого человека, но именно здесь сами люди предполагают невозможность установления содержания БВВ. В остальных случаях БВВ познается по его внешним проявлениям и, следовательно, может быть в той или иной степени узнано, тем или иным способом просчитано и оценено в области своего содержания.

Именно поэтому мы можем говорить о том, что в данной области возможно реструктурирование и первичное структурирование в отношении бытия в возможности. При этом заметим, что подобное может возникать в других областях только в силу нового содержания БВВ в части новой парадиг-

мы. Иными словами, попадая в новую для него систему отношений, человек заново переосмысливает те или иные целевые установки, становится заново «опредмеченным мыслью» в отношении самого себя и в отношении того, каким ему быть по отношению к окружающим его формам социальной материи. Соответственно, может быть такая ситуация, когда новые формы (в силу недостаточной детализации, так называемое «пресловутое воспитание») окажутся сильнее и, соответственно, лучше в части структурирования самого человека в той или иной маске. Чем меньше в человеке остается неназванного, неоднородного неуточненного в отношении его самого и в отношении того, что он есть как отношение к другим, тем больше вероятность его вовлечения в парадигмы, отличающиеся жесткой детализацией времени и пространства и, соответственно, персонификацией своих субъектов.

Энтелехия.

Энтелехия фактически по субъекту сводится к тому, что он представляет собой материальную стороны реализации власти его родителей (других субъектов). Именно на этом этапе можно констатировать, что человек является заложником своей материальной оболочки в части ее перцепции субъектами властного отношения. Следует так же сказать, что именно на этих перцепциях и строятся отношения познания, которые носят личный характер, так как продиктованы только чувственным бытием, восприятием субъекта.

Являясь заложником представлений о самом себе третьих лиц, субъект не свободен с самого рождения и поэтому парадигма подчинения является наиболее приемлемой формой объективирования любой социальной материи. На этом построена организация общественных парадигм. *Именно поэтому не может быть такого состояния бытия в социуме, когда равенство баланса прав и обязанностей будет приведено к оптимальному сочетанию в форме той, которую придумали именно свободные умы, именно те, кто отрёшился от парадигм властного элемента организации.* Для этого необходимо пересмотреть сами основы организации структурирования субъектов неперсонифицированного круга лиц. Какие – либо изменения на уровне рациональности, в той части, где средний индивидум может принимать самостоятельные решения – бессмысленны.

Таким образом, можно отметить, что данность познания ведет к детерминанте бытия в чувственной организации. Изменение же теорией самой формы организации способа мышления неизменно приводит к изменению чувственного бытия, быта, если угодно. С этой точки зрения отметим: для власти нет ничего лучшего, чем опереться на хорошо организованную теорию познания, являющуюся универсальной методологией. Соответственно, сама теория при этом должна быть организована соответствующим образом.

Вообще же вопросы методологического характера являются одними из самых сложных в области познания. От того насколько точно и верно решается необходимость анализа метода познания зависит успешность самого исследования в области той или иной когнитивной системы. Наша задача определить феномен власти того в социуме, что является силой упорядочивающей и, соответственно, фоормообразующей социум, который выступает предметом исследования. При этом нам необходимо понимать, что предметность нашего исследования весьма сложна и в достаточной степени легко трансформируема благодаря именно методологии познания. Социум есть динамичность отношений, которая упорядочивается в отношении форм восприятия, но никак не в отношении формы чувственной апробации, чувственного познания. Соответственно, мы не можем говорить о том, что есть социум в отношении нашего познания без определенного поверхностного и неточного восприятия; для того, чтобы избежать этого о социуме необходимо говорить как о том, что есть форма и предмет изменения, как о том, что необходимо изменять и трансформировать в соответствии с теми или иными представлениями. Здесь возможна масса вариантов познания, но некоторые из них являются все же определяющими в отношении того или иного круга лиц, систем и ме-

тодов познания. Что мы имеем в виду? Непосредственную зависимость преемственности знания от методологии познания.

Сейчас уже умирают те формы рассуждения, которые были приемлемы ранее, в свое время они детерминировали развитие общественного познания, а, в конечном счете, и структурировали общественную материю – мораль, нравственность и прочее. В век свободной формы циркулирования информации мы не можем обойтись без форм рассуждения, напрямую апробирующих необходимость познания. Тех норм, которые могли бы заменить нам необходимость обращения к общественному в той или иной форме его представления. Искусственность познания всегда есть и будет, во многом она детерминируется формами рассуждения, формами объективации того или иного уровня, но она присуща в силу самой техники познания, в силу того, что данность познания есть необходимость игрового начала в той или иной степени алеантности. Поэтому мы должны четко определяться в отношении неограниченного круга явлений, определяться универсально, методом универсального типа, тем методом, который есть необходимость интеграции бытия в возможности социума и бытия в действительности. Власть является именно продолжением возможности познать, опознавать и именно поэтому, говоря о власти, мы всегда должны вскрывать основы того, как осуществляется само познание, как возможна объективация бытия в возмож-

ности в форме значения. И именно потому методология, которую мы используем (людология) специально предназначена для анализа универсального круга явлений, вне зависимости от их происхождения и формы представления. Соответственно, нельзя требовать от нас того, чтобы мы шли на компромисс в области того или иного рационального рассуждения для того, чтобы как-то сгладить формы понимания, формы рассуждения. Это совершенно недопустимо в условиях чистого познания.

Властность начинается с организации распределения общественного, категорий общественного в отношении лично – индивидуального момента субъекта социума. До этого субъект принадлежит социуму, и он осуществляет свою власть над ним. Везде, где только можно обнаружить реализацию общественного бытия в возможности в рамках личного сознания, при понимании сознанием данного субъекта данного бытия в возможности как своего собственного, можно констатировать властность общественного над личностным. Личность подчинена сотням обусловленностей, персонифицированных общественным как формой структурирования реальности. Первичная организация власти, генезис власти, начинается с понимания некоторого рода дистанцированности самое себя от общественного от того, что есть общество. Понимание данного момента весьма важно. Личность обнаруживает в себе способность быть дистанцированной от такого принципа организации социальной материи.

Встречность продолжает оставаться незыблемой, так как общество слепо к тому, что есть не оно само, не для себя сущее, и поэтому не замечает изменений в личностном. Обозначая их возможно и условно негативные формы, при этом добиваясь отличного исправления существующих недостатков в организации перехода в собственной сфере реализации бытия в возможности. В конечном итоге наступает такое состояние, при котором личность понимает уже необходимость уничтожения остатков в себе общественного и начинает это делать с методичностью, которая воспринимается не иначе, как хулиганство и наплевательское отношение к незыблемым устоям со стороны общественного бытия в возможности. В итоге создается некоторого рода противостояние, разрешение которого на данном этапе может стать решающим для формирования субъекта властных отношений. Если субъект продолжает изменять качественность формообразования мира вокруг себя, того, что доступно ему как мир, то соответственно можно сказать, что он выиграл в войне собственно бытия в возможности, в отношении общественного бытия в возможности, которому он должен подчиняться по своей природе.

В данном случае остальные вопросы могут носить уже технический характер, не обусловленный ничем кроме усиления позиций самое себя в противостоянии общественному. Здесь необходимо отметить качественность противостояния данного периода. Общественное, как поток горной ре-

ки, действует постоянно безостановочно, является своего рода формой напряжения, в то время как индивидуум, переставая реализовывать общественное бытие в возможности по ключевым позициям, становится формой противостояния данному потоку, становится формой организации в отношении себя данности потока. Именно поэтому он предпочитает в свое время скрываться от общественного, скрываться в отношении самое себя в отношении возможности организации самое себя. Он утрачивает со временем и возможность восприятия себя как продолжающегося явления по бытию в возможности. То есть он перестает воспринимать себя как форму продления реализации в настоящем закрепленного за ним бытия в возможности (имя, репутация и так далее), он все больше желает себе нового представления, нового качества в отношении восприятия самое себя. И если это желание не удовлетворяется, то приходится говорить о невозможности исполнения первичной властной функции – пресловутое структурирование объекта управления. Учитывая то, что первично будет приказание самому себе, необходимо обозначить первичные этапы формирования самого себя как объекта и субъекта управления. Человек как синкретичность чувственного и рационального в общественной связке всегда дезорганизуется с токи зрения самодостаточности, с точки зрения отрыва от общественного. Здесь ему предстоит заново замкнуть сферы полярности, как в отношении временных поясов порождения реальности, так

и в отношении целесообразности соотношения чувственно-го и бытия в возможности вновь им создаваемого в относительно самое себя, а, следовательно, лишенного чувственного начала. Результирующим такого процесса, как правило, является необходимость такого отношения к всевозможным первичным неудачам, которые затягивают нашего субъекта в его попытке организовать в отношении себя и подчинить себе те или иные общественные институты организации материи. Это вполне естественно, так как нарушение парадигмы организованного социума в отношении самое себя ведет неизменно к увеличению формы разрыва себя с самим собой, при том, что свое представление о самом себе и представление о тебе общественного плана в корне не совпадают. Следующим шагом к организации самое себя в области общественного бытия в возможности в отношении уже личного сознания (так как первичный этап пройден) является возможность усиления скоординированности своего бытия в возможности и его сферы реализации в общественном бытии в действительности. Здесь ситуация весьма щепетильная, так как, если в отношении общественного бытия в возможности личность может на протяжении значительно долгого этапа пребывать в отношении самое себя как форма однозначного корреспондирования в силу того, что формальность и содержательность не всегда восполняют области самореализованного бытия в возможности, то в области бытия в действительности это является первичным и приобре-

тенным в силу того, что чувственное взаимодействие всегда является принадлежностью больше сферы энтелехии, нежели целевой причины (в области корреспондирования, например), а, соответственно, и ее структурирования. Данность этих взаимоотношений диктует необходимость однозначности решения проблемы самое себя. При этом на этой стадии может быть воспринята опять же либо общественная форма властности поведения (мир преступности с его узнаваемыми коллективными формами, в том случае, если личность совершенно не может найти основы для встречаемости и подобия, или же замещение какой – либо блатной должности в рамках конгломерата властных парадигм). При этом происходит необходимость формирования аппарата функции различения, где действительно приходится говорить о познаваемости властности в отношении общественного бытия в возможности (что общественное видит в тебе как в властном субъекта), и что является черновой работой, результативность которой помещена пока в сферу непознаваемости и недоступности восприятию как таковому.

Соответственно, от того насколько эффективно будет построена парадигма взаимодействия личности в представлении общественного и общественного в представлении личного, зависит успешность реализации собственно властной функции в отношении бытия в возможности, которое будет сформировано в личном отношении.

Считается целесообразным использовать школу людоло-

гии в построении малых и средних пакетов властных полномочий для разных этапов развития и, соответственно, в отношении мониторинга успешности их осуществления.

Представляется, так же необходимым отметить тот факт, что в случае организации по бытию в возможности, которое в случае реализации грозит разрушением того или иного круга общественного бытия в возможности, следует придерживаться массы правил реагирования на то или иное бытие в возможности с целью избежать прямых конфликтов и противоречий, что так же входит в школу людологии.

Когда речь идет о подлинно длительном властвовании, которое в перспективе своего развития означает властвование как таковое, абсолютное вне зависимости от представлений общественного о тебе самом, то следует говорить, прежде всего, о построении собственного алгоритма развития властного момента, а не персонификации в различного рода общественных формах. При этом следует помнить, что рамки активного существования весьма ограничены, а процессы взаимодействия иногда бывают весьма сложными, поэтому необходимо полагаться в данной области на четко выверенные как теоретически, так и практически обкатанные схемы взаимодействия с общественным бытием в возможности и в действительности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.